

Линок Горалик

Холодная вода Венисаньы

Нежная и прозрачная, как акварель,
печальная и завораживающая,
как отражение в воде ветшающих
венецианских дворцов. Грустная
и прекрасная сказка.

Мариям ПЕТРОСЯН

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА

Венисана

Линор Горалик

Холодная вода Венисаны

Издательство "Livebook/Гаятри"

2018

УДК 82-34
ББК 84(2)

Горалик Л.

Холодная вода Венисаны / Л. Горалик — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2018 — (Венисана)

ISBN 978-5-907056-97-8

Захватывающая сказка-миф в нескольких книгах. Еще вчера девочка Агата была веревкой привязана к другим детям колледжии, и за каждым ее шагом назойливо, но заботливо следили мистресс, но уже сегодня, после падения в воду, ее жизнь круто изменилась. Теперь она считается опасной, зараженной и вынуждена скрываться. Прежний мир отталкивает Агату, а загадочная вода Венисаны — манит. Как устроен этот страшный непостижимый город, судьба которого зависит от решения одной девочки? «Холодная вода Венисаны» — первая книга цикла о Венисане, странном и пугающем мире Агаты. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-34

ББК 84(2)

ISBN 978-5-907056-97-8

© Горалик Л., 2018
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2018

Содержание

Сцена 1,	7
Сцена 2,	12
Сцена 3,	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Линор Горалик
Холодная вода Венисаны

© Линор Горалик, 2018

© Издательство «Лайвбук», 2021

* * *

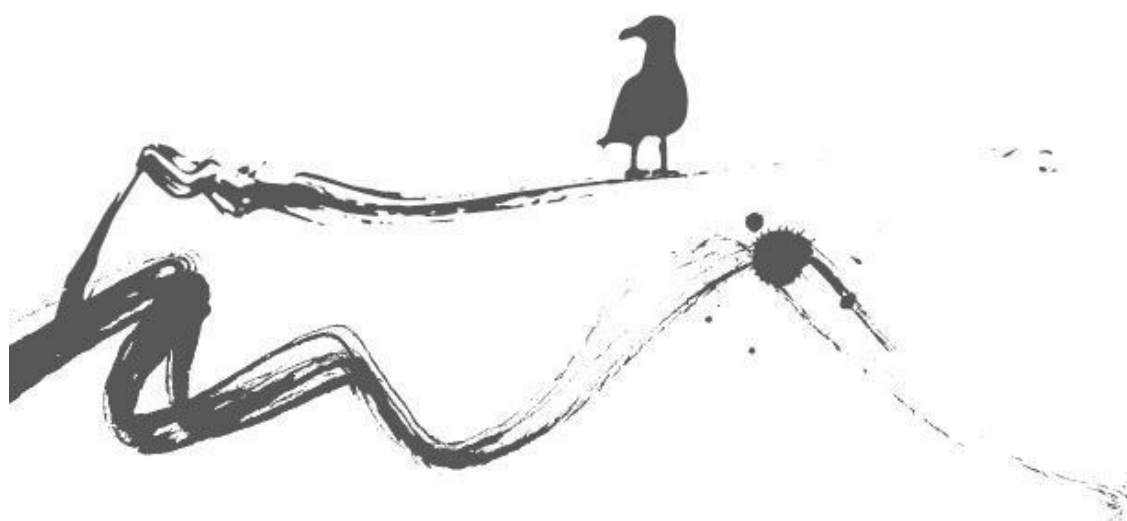
Все рассказанное ниже успеает увидеть за несколько секунд (а позже и записать) юный Ренард (названный так монахинями в честь святого Ренарда, покровителя ювелиров и обманщиков, в шестой год Светлой Реформы), когда габо по имени Гефест выдыхает эту историю ему в рот.

Сцена 1, записанная в честь святого Алоизуса, покровителя влюбленных, учителей, справедливо осужденных, мужских портных и коробейников

Агата тихонько рычит – так, чтобы не услышала мистресс Джула, чьи вечно опухшие пальцы завязывают у Агаты на поясе толстый веревочный узел. Сама мистресс очень худая, с высохшим, как у змеи в Венисвирском музее, лицом, а пальцы у нее огромные; Торсон, который почти всегда и почти все понимает правильно, говорит, что это от бесконечного питья воды – мистресс Джула постоянно пьет воду и почти никогда не ест: она думает, что вода очищает душу, а кроме очищения души ее мало что интересует. Это рассказал Агате Торсон, а Торсон откуда-то знает про людей такое, чего не знает никто; как ему это удастся – совершенно непонятно. Агата надувает живот, чтобы веревка легла послабее, но мистресс не обманешь, она все замечает, легонько хлопает Агату по животу и затягивает узел; тогда-то Агата и рычит, и мистресс Джула отлично ее слышит. За Агатой стоит уже обвязанная веревкой Мелисса, а мистресс переходит вперед – к Торсону. Торсон самый большой и потому всегда идет первым; на него еле хватает веревки, хвостик в руке у мистресс остается совсем короткий, поэтому каждый раз, когда команду куда-нибудь ведут, Торсон едва не тычется носом в затылок мистресс Джулы. Иногда Агата специально толкает его пальцем в спину, чуть-чуть, чтобы Торсон сбился с шага, налетел на мистресс и принялся извиняться своим медленным, густым голосом; он не обижается – это их с Агатой общая игра, – но за спиной у Агаты начинает ерзать Мелисса: ей нелегко, когда что-нибудь происходит с Торсоном без нее, даже такая мелочь. Мелисса дергает за веревку, чтобы Агата обернулась – у них есть старый трюк, на который мистресс Джула, настаивающая на том, чтобы в связке все одиннадцать детей этой команды шли по росту и были хорошо видны замыкающей доктресс Эджении, давно закрывает глаза: как только возникает подходящий момент, Агата и Мелисса тихонько выпутываются из веревочных петель и меняются местами, чтобы Мелисса оказалась рядом со своим Торсоном. Тогда они берутся за руки и идут так: Торсон – чуть боком, выставив руку назад, Мелисса – стараясь держаться как можно ближе к любимому, так что петля вокруг Агаты иногда затягивается слишком туго, но Агата все понимает и не против. Через два года им всем будет четырнадцать, и тогда они смогут выходить наружу без веревки – правда, все еще под надзором мистресс и доктресс: «Опасней Венискайла только Венисвайт», – это повторяют каждому ребенку чуть ли не с рождения. Дома Венискайла, стоящие сплошной чередой и разделенные узкими темными проулочками, складываются в лабиринт: даже если забыть, что кругом вода (а это самое страшное),

два шага не в ту сторону – и ты потерялся, можешь блуждать тут целыми днями и никогда не попасть обратно в свою колледжию;

Мелисса рассказывала страшную историю про девочку, которая поспорила, что выпутается из веревки и вернется в колледжию раньше своей команды коротким путем, но свернула не туда и забрела в синий лес Венисфайн, и больше ее никто никогда не видел. Девочку звали Моранна, а про святую Моранну все знают, чем ее история кончилась; недаром говорят, что твой святой – твоя судьба. Агата тогда спросила, откуда Мелисса знает, что девочка забрела в Венисфайн, если девочку больше никто никогда не видел; Мелисса ужасно обиделась, и больше Агата не задавала таких вопросов – просто слушала Мелиссины страшные истории и думала о своем. Мелисса вечно рассказывала о том, как кто-то сбежал, или потерялся, или кинул камнем в габо, и габо утащили его, выдернули прямо из связки; каждый раз Агата слушает голос Мелиссы и строит невероятные планы: что, если и правда свернуть в пользующийся дурной славой темный переулочек на ва'Поло, совсем недалеко от пъя'Чентро – вот именно туда их команду и ведут прямо сейчас, так ведь?

А если и правда кинуть камнем в огромного белоснежного габо – он тебя утащит?

Это очень страшная мысль, кому угодно было бы страшно кинуть камнем в габо – другое дело, если бы с габо потом можно было объясниться человеческим языком, сказать, что Агате просто нужно было спастись из опостылевшей колледжии, что ей очень нравятся габо – да и кидать камень она будет очень-очень осторожно и совсем легонько. Все фантазии Агаты – всегда об одном и том же: как она сбегает из колледжии, от доктресс и от мистресс Джулы, никогда больше не ходит на веревочке, бегаёт, сколько хочет, по мостам, хотя бы одним глазком заглядывает в страшный синий лес Венисфайн, забирается на колокольню собора са'Марко и видит

оттуда весь Венискайл, от стены до стены. . . Про эти ее фантазии отлично знают Мелисса и Торсон, они трое всё рассказывают друг другу – но у Агаты есть одна мечта, которой она не делится даже с друзьями. Вот и сейчас, когда до площади пья'Чентро осталось перейти всего один мост, Агата стоит, погруженная в запретные мысли, и не замечает, что Мелисса бешено дергает ее за веревку – хочет поменяться местами, пока их команда стоит, наткнувшись на толпу. Агата спохватывается, но уже поздно – мистресс Джула начинает приговаривать: «Полно, пропустим детей, ну полно, полно, пропустим детей», – и становится перед мостом, раскинув руки с опухшими пальцами, и за веревочку выводит свою команду на площадь. С каждым шагом настроение Агаты делается все хуже и хуже: она ненавидит весенние праздники ровно из-за этого момента, из-за похода на центральную площадь. Агата говорит себе, что уже через час худшее будет позади: потом их отведут на нуднейшую проповедь в са'Марко, но это уже не так страшно, а после проповеди начнутся три дня радости и обжорства. Агата пробует вернуться к своим фантазиям: например, как она взбирается по анкерным затяжкам, удерживающим вместе старые-старые стены домов Венискайла, на какую-нибудь крышу, отсиживается там, пока ее ищут внизу, – и все: можно жить на крышах, воровать еду на безумном рынке ма'Риалле, а за книжками бегать в лавку слепого Лорио, который всегда называет ее «мистресс Агата» и дает ей читать прямо в лавке то, чего нет в дозволенном списке колледжии для учеников младшей команды. Лорио не считает Агату маленькой дурочкой, она спросила его однажды, что значит «и наложивших руки на себя» в поэме про Донату и Амалию, и он ей объяснил, а вот мистресс Джула не стала бы. Правда, когда недели три назад Агата удивилась, куда вдруг делась из левого шкафа в глубине лавки очень красивая книжка про приключения дуче Кристиана – Великого Примирителя, впервые пригласившего ундов в Венискайл, – Лорио только спросил, не пора ли ей возвращаться назад в колледжию; Агата обиделась, но что поделать – взрослые есть взрослые, а самые красивые картинки – например, где дуче Кристиан в парадной одежде держит на руках своего огромного кота Мурано и смеется – Агата и так помнит. Но все-таки красть книжки у Лорио Агате не хочется, и она давно решила, что прочитанные книжки будет тайком возвращать обратно. Окно в лавке Лорио совсем маленькое и очень высокое, Агата так поглощена размышлениями о том, как пробираться в лавку, что не замечает больно впивающегося ей в бок веревочного узла: Мелисса все дергает и дергает а веревку и шипит на Агату, хотя разговоры в связке – делоопасное, мистресс Джула тут как тут. Бедная Мелисса, как же она ненавидит это стояние в первом ряду на площади пья'Чентро в День Очищения.

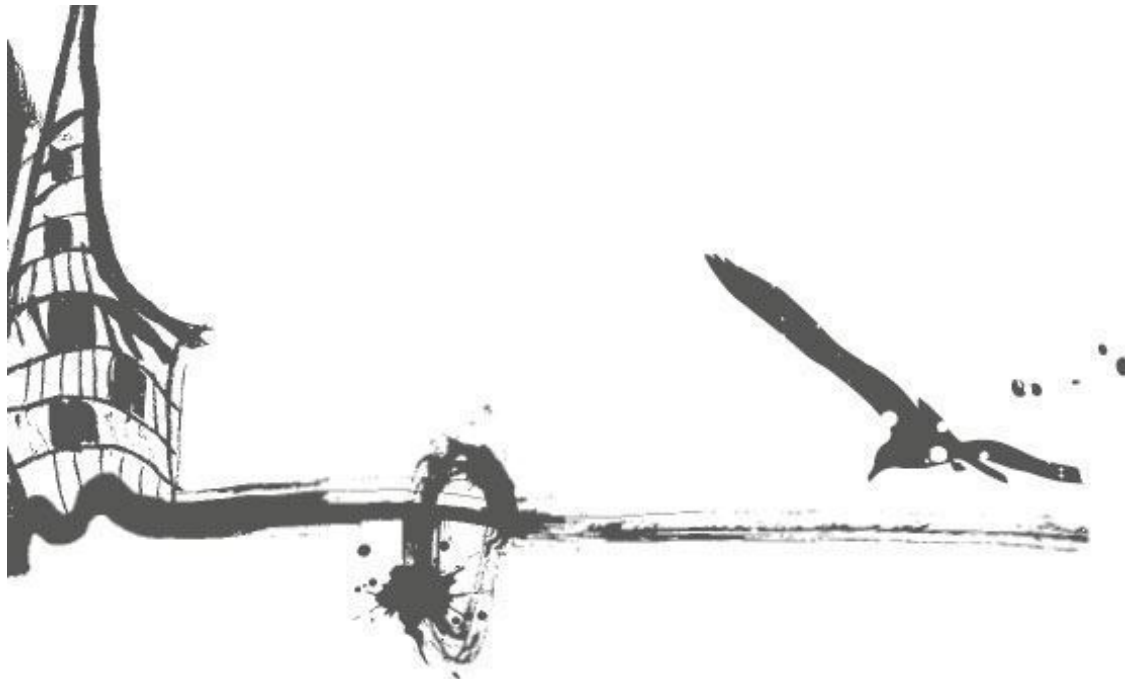
Ей хуже всех: ровно в такой день ее родителей осудили за неуплату долгов и выслали в Венисальт.

Мелиссе тогда едва исполнилось пять лет, она еще жила с родителями, а не в колледжии, все это было ужасно. Таких маленьких не водят на площадь, но Мелисса рассказывала Агате, что слышала все разговоры бабушек и соседей, а потом – перешептывания доктресс и мистресс в колледжии, и много еще чего после, и теперь каждый год уже на подходах к площади бедная Мелисса начинает плакать, ничего не может с собой поделать. Агата убеждается, что доктресс

пошла стоять в строю своей гильдии, а мистресс Джула распекает слабого маленького Паоло на дальнем конце веревки за то, что он прячется за чужие спины, – детей в день казней всегда ставят на первую линию, перед преступниками, для блага тех и других:

дети должны запомнить, что бывает с людьми, которые нарушают законы, а преступники должны смотреть в невинные детские глаза и каяться.

Некоторых детей Агата совсем бы не назвала невинными: например, хорошенького гладенького Берга с пушистыми ресницами, рядом с которым она окажется, как только поменяется местами с бедной Мелиссой. Агата отлично умеет развязывать узлы – раз-раз, надо только поддеть петлю длинным ключом от своего шкафчика; она быстро выпутывается из веревки, Мелисса тут же становится на ее место и крепко-крепко сжимает руку своего Торсона, а тот гладит ее огромной ладонью по голове и шепчет, что уже совсем скоро праздник, что послезавтра она будет играть героическую дюкку Марианну в спектакле про пятерых дуче, а Торсон будет ее пажом, что у нее будут самые красивые в мире золотые носилки и самый красивый в мире костюм, что осталось потерпеть совсем немножко. Агата ждет не дожидается праздника – правда, всезнающий Берг говорит, что в этот раз на церемонии не появятся унды, но Агата ему не верит – какой День Очищения без ундов? Теперь Агате и Мелиссе надо снова надеть на себя веревку, но мистресс Джула уже бежит к ним, чтобы стать во главе своей команды, и Агате приходится надеяться, что лежащая на земле веревка останется незамеченной. Мелисса ужасно нервничает: она самая послушная и старательная девочка на свете, она смертельно боится любого упрека и замечания мистресс, но Агата подходит к ней сзади и обнимает изо всех сил, и Мелисса немножко успокаивается. Агата задирает голову, чтобы не видеть, как на помост перед са'Марко выводят восьмерых подсудимых. Над заполненной людьми площадью, над криками разносчиков кофе и торговцев праздничными пищалками, над флагами гильдий, над цветными палками букмекеров, принимающих ставки на приговор тому или иному подсудимому, над серыми коронами священников, проповедующих в толпе, кружатся огромные прекрасные габо, тени их крыльев скользят по лицам людей, и тогда Агате кажется, что это отражение мрачных мыслей, сменяющихся любопытством, которое заставляет почти весь Венискайл приходить в День Очищения на площадь. Агата вспоминает одну из самых любимых страшных присказок Мелиссы: если все габо одновременно сядут на землю, Венискайл

уйдет под воду. Агата представляет себе, как зеленая вода каналов дотрагивается до ее лица, и ей становится нехорошо.

Сцена 2, записанная в честь священнопринятой дюкки Эджении, покровительницы мышей, охранителей порядка, беременных и пропавших без вести

На помосте перед са'Марко стоят восемь человек. Смотреть на них и тошно, и ужасно любопытно; Агата досчитывает до десяти, запрокинув голову и глядя на кружащихся молчаливых габо, а потом заставляет себя перевести взгляд на помост. Она решает не встречаться глазами с подсудимыми – и тогда можно рассматривать их сколько угодно. Ее взгляд останавливается на самом страшном из всех людей, на том, про которого все уверены: сегодня он останется болтаться на веревке посреди прекрасной площади пья'Чентро; они еще увидят его, безжизненного, когда выйдут после проповеди из собора. Его зовут Риммер – о чем, интересно, думали родители, назвавшие ребенка в честь святого Риммера, разбойника и негодяя? Агате кажется, что Риммер весь состоит из жил, а лицо у него – как у рыбы-меч, которую Агата однажды видела на рынке ма'Риалле во время одной из тайных вылазок с Торсоном, – рыба была подвешена за нос. Риммер стоит спокойно, даже пару раз наклоняется перевязать шнурки на башмаках – как будто сейчас его должны заботить башмаки! Про Риммера никто не скажет «майский вор» – уж его-то дело расследовали как положено, целый год, и про него все знают, кто он такой: настоящее чудовище, браконьер, торговец подводными детьми, невесть как спускавшийся в Венисвайт (украл, наверное, габион у одного из дуче; за одно это кого угодно осудят и вышлют). Там, под водой, он воровал подводных малышей и продавал их здесь, в Венискайле, всяким ужасным людям в аквариумы. Риммер весь радужный от долгого пребывания под водой, его лицо и руки отливают перламутром, за одно это его готовы убить, даже остальные подсудимые стараются держаться от него как можно дальше, а дучеле, сопровождавшие их к помосту, подталкивали Риммера длинными палками и закрывали лица шарфами – боялись, бедные, заразиться. Плохой у него, верно, был габион – вон дуче и дюкки спускаются в Венисвайт по важным делам и никто не становится радужным от болезни. Мелисса рассказывала про Риммера ночью в спальне, говорила, что он крал по ребенку каждую неделю, и не только детей – даже икру, которую откладывают подводные люди, икру, из которой еще не вылупились дети; все это было так страшно, что маленькая чувствительная Сонни расплакалась. Про Сонни доктресс Эджения говорит, что когда они вырастут, Сонни будет «сердечным голосом» их команды; про Мелиссу она говорит, что той суждено стать для всей команды «смирением», про Торсона – что он будет их «тихой силой», а про Агату ничего не говорит, только качает головой.

Агате это нравится – зачем уже сейчас знать, каким ты будешь?

Когда Мелисса рассказывала про Риммера и про бедных краденых детишек из Венисвайта, Агата пыталась представить себе, каково это – плавать в воде; узнай об этих мыслях доктресс или мистресс Джула, вот бы они пришли в ужас! Как это, должно быть, страшно: всю жизнь, с самого рождения, ты живешь в воде, свободный, как габо в поднебесье (хотя, может, и в Венисвайте дети плавают на веревочке?), – и вдруг тебя хватают, и вот ты уже сидишь один одинешенек в огромной стеклянной коробке, и на тебя смотрит жуткое лицо купившего тебя негодяя. Вот они, покупатели Риммера, тоже стоят на помосте: пожилая бездетная пара, испуганно притиснувшаяся друг к другу, совсем не похожи на негодяев – в толпе говорят, что они шпионы, это неинтересно; другое дело – очень красивый холеный старик в порванной лиловой куртке Гильдии Ювелиров, даже три месяца в тюрьме не испортили ему осанки; про него в толпе ходит шепоток, что он вообще не покупал детей, а на самом деле арестован за какое-то «государственное дело», да только нам никто не скажет за какое. Ювелир! Агата иногда думает про то, как хорошо было бы стать ювелиром; но только для этого нужно начать с бассомайстера, а потом стать меццо-майстером, а потом – помощником джунни-майстера, а потом – джунни-майстером, а потом... На этом месте Агате хочется заснуть; нет, пока тебе откроют тайны гильдии, вся жизнь пролетит, а то бы Агата, может, даже дюккой хотела стать – да только в Гильдии Дуче всего пять человек, и бороться за право в ней состоять нужно лет двенадцать или тринадцать – точно Агата не помнит. Хотя идея носить на пальце габионовый коготь, плавать в воде и не тонуть, спускаться в Венисвайт, когда вздумается, и дружить с подводными людьми Агате очень нравится. Но учиться тринадцать лет, а потом еще и читать бумаги целыми днями, судить преступников, исповедовать всех умирающих в своем ва', командовать всеми дучеле, проповедовать в церкви и освящать оба рынка каждое утро? А плавать когда? Впрочем, стоит Агате посмотреть на Берта, который внимательно-внимательно разглядывает преступников, и ей немедленно хочется иметь в своем распоряжении парочку дучеле – просто для защиты, – хотя Берт никогда не сделал никому ничего плохого. Ну то есть его никто никогда не застукал ни за чем плохим, если вы понимаете, что имеется в виду. Мистресс Джула говорит, что в команде у каждого своя роль, они еще убедятся в этом, когда вырастут, – но Агате жилось бы

легче, знай она, что в команде, с которой ей предстоит провести всю жизнь, нет миленького маленького Берта. Однако мистресс Джула все время повторяет, что команде надо держаться вместе, а с некоторых пор еще и заладила: «Особенно сейчас». Что это за «особенно сейчас», мистресс Джула не объясняет, но взрослые есть взрослые, что с них взять.

Дуче ва'Поло в высокой белой короне первосвященника заканчивает обходить подсудимых и вершить с каждым малую молитву; одна из стоящих на помосте – совсем юная девушка, наверное, только недавно из колледжии – вцепляется в руку дуче, падает на колени и о чем-то жарко умоляет. Толпа вздыхает, про эту девушку говорят, что она «майский вор» – так называют тех, кого арестовали всего за несколько дней до Дня Очищения, а значит, его преступление и расследовать-то толком не успели – но что поделаешь, после Дня Очищения в Венискайле не должно остаться ни одного ненаказанного преступника, таков уж закон. Агата отводит глаза от помоста и сглатывает ком в горле, бедная Мелисса плачет, Торсон обнимает ее, почти закрывает от мира огромными руками, а мистресс Джула тихонько гладит Мелиссу по голове. Внезапно Агате смертельно хочется, чтобы все это закончилось, хочется так сильно, что она готова выть и топтать ногами. К счастью, дуче уже вырвался из рук девушки, вышел на середину помоста и начинает оглашать приговоры.

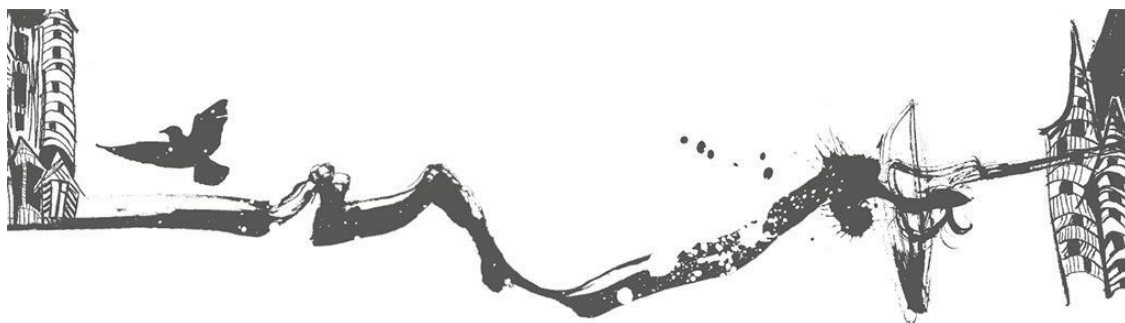
Агата вдруг видит, как что-то выпадает у несчастной девушки из кармана, что-то вроде маленькой тряпичной зверюшки.

Девушка этого не замечает, но Агата представляет себе, как ее, бедняжку, сейчас сошлют за стены, в зеленый ядовитый воздух Венисальта, не дав с собой ничего, кроме пяти хлебов и двух копченых рыбок, как она хватится маленькой зверюшки – а ее и нет. В эту секунду вся площадь оглашается страшным писком, у Агаты аж закладывает уши: тысячи и тысячи пищалок, больших и маленьких, заливаются на разные голоса, жители Венискайла выдувают из себя все свои грехи, как положено в День Очищения, а потом принимаются топтать; значит, огласили первый приговор, а Агата все прослушала. Кто-то в толпе заходится криком, вдруг заваривается драка, а умная Агата вспоминает, что так и не успела залезть в веревочную петлю. Осторожно-осторожно она делает шаг, потом второй и оказывается за спиной у мистресс Джулы. Агата худенькая и ловкая, она пробирается в толпе, как кролик: можно успеть поднять тряпичную зверюшку, кинуть дрожащей девушке на помост и шмыг-шмыг – вернуться к своей команде, обвязаться веревкой как ни в чем не бывало. Возле самого помоста выстроились цепочкой дучеле, но они смотрят на толпу, а не себе под ноги, да и чего им смотреть на маленькую Агату, пробирающуюся к помосту. Воздух снова взрывается свистом: странную некрасивую женщину, все это время стоявшую, опустив руки и глядя в пол, приговаривают к смерти за убийство, свист сменяется страшным топотом. Толпа все топает и топает, пока дуче того ва', где жила женщина, дает ей последнее причастие, а потом церемонно проводит по ее щеке надетым на указательный палец когтем, выточенным из бесценного камня габиона, оставляя глубокую царапину: считается, что на этом земные дела женщины окончены, все, что будет

дальше, произойдет по воле Божией. Агата уже видит, что тряпичная игрушка – это рыбка, маленькая красная рыбка с белыми плавничками, потертая и грязноватая. Она лежит прямо у сапога одного из дучеле – если скользнуть ему за спину и действовать быстро-быстро, Агате понадобится всего несколько секунд. Толпа снова свистит и топает, и вдруг воздух наполняется чем-то странным – любопытством, жадностью, беспокойством, – и Агата понимает, что очередь дошла до Риммера. Агата уже стоит за спиной у дучеле, ей бы схватить рыбку, бросить на помост и бежать, она почти уверена, что Мелисса заметила ее отсутствие и теперь в панике – но Агата не выдерживает и замирает, любопытство мучает и ее: она хочет знать, что будет со страшным радужным человеком. Оказывается, Риммер жил совсем недалеко от их колледжии: оглашать ему приговор выходит дуче Клаус Сесто, дуче их ва', ва' Поло. На пальце у дуче коготь из габиона, и поэтому дуче может не бояться заразиться от Риммера радужкой – он подходит совсем близко к Риммеру, останавливается почти над головой у Агаты, раскрывает кондуит. В толпе так тихо, что на секунду Агате кажется, будто на площади вообще никого нет. Внезапно Агате делается очень страшно: от собственной дерзости, от близости ужасного радужного человека, от умолкнувшей площади; она вдруг понимает, что возвращаться ей придется среди тысяч яростно топающих ног, что эти ноги могут и не заметить, как затопчут маленькую Агату.

Сейчас она завидует даже подсудимым, стоящим на помосте: кого-то из них, может быть, сейчас оправдают и отпустят, они спокойно пойдут к себе домой, им не надо будет возвращаться среди топающих страшных ног к разъяренной мистресс Джуле, которая уж наверняка успела заметить, что Агата не стоит на положенном ей месте. Агата поднимает глаза – и внезапно ее обдает жаром: страшный радужный Риммер смотрит прямо на нее, смотрит долгим горячим взглядом, вглядывается так, будто внезапно разглядел в Агате что-то очень важное, и Агата едва не взвизгивает, вовремя проглатывает собственный голос. Теперь ей хочется только одного: вернуться в строй и крепко-крепко обвязаться веревкой; бог с ней, с рыбкой, в конце концов, Агата совершенно не обязана ее поднимать, не Агаты это дело. Надо только дождаться приговора Риммеру, вот сейчас; а потом переждать топанье и добраться до своего места, пока следующий дуче будет выходить на помост. Дуче Клаус Сесто все говорит и говорит, и тут происходит неожиданное: в приговоре Риммеру нет ничего про охоту на детей.

– ...За преступление, которое нельзя называть! – выкрикивает дуче, и вся толпа ахает.

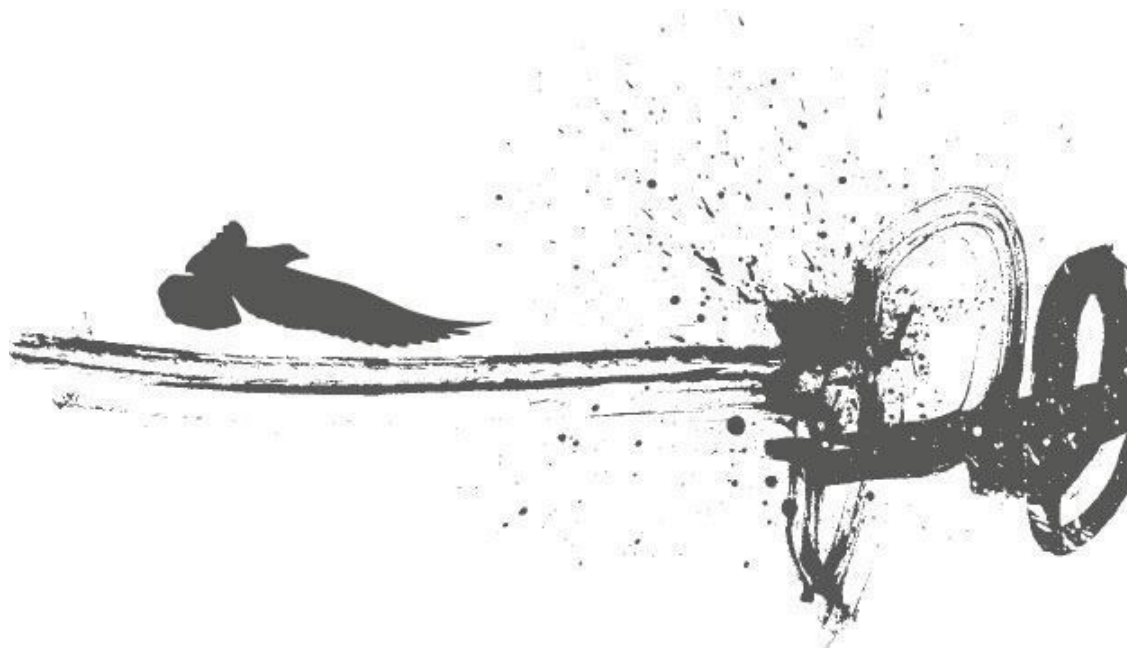
Агата знает, что такой приговор бывает очень редко, раз во много-много лет, и помнит, что рассказывала Мелисса: так говорят, когда детям вредно знать, что натворил преступник, – это может их испортить или напугать на всю жизнь. Маленькая Сонни тогда сказала, что такие люди, наверное, «летуны» – те, кто умеет летать на габо; якобы они уносят людей в жуткий синий лес Венисфайн и там пожирают, а габо в уплату получают свое любимое лакомство – человеческие глаза. Мелисса, которая терпеть не могла чужие рассказы об ужасах, сказала, что все это глупости и никто не может оседлать габо, габо сбросят такого человека прямо в воду –

а что происходит с упавшими в воду, всем хорошо известно: даже если им удастся выбраться, они заболеют радужной болезнью, и ни один человек больше не подпустит их к себе; радужные юди сначала сходят с ума и делают странные вещи, а потом исчезают – говорят, что болезнь ведет их в страшный синий лес Венисфайн умирать. Агата тогда не поверила Сонни ни на секунду, но сейчас, глядя в глаза ужасного радужного человека, не боявшегося воды, она легко может представить себе, как Риммер летает на габо, и ест людей, и отдает габо их глаза. Правда, глаза Риммера, светлые до прозрачности, смотрят по сторонам очень внимательно, и он совсем не выглядит сумасшедшим. Воздух взрывается свистом, свист сменяется топотом, Агата отрывая взгляд от страшного Риммера, но чувствует, что Риммер почему-то все смотрит и смотрит на нее; она дрожит, но бежать сейчас нельзя, даже дучеле, за спиной которых она стоит, топают ногами. На помосте дуче Клаус Сесто подходит к Риммеру, Агата видит сияющий габионовый коготь: с ним можно опускаться под воду и возвращаться невредимым. Агате до невозможности хочется такой коготь, ясное дело, но когтей ровно столько, сколько дуче и дюкк, – пять; так было всегда, с самой войны. Дуче кладет облатку Риммеру на язык, вот сейчас он проведет когтем по щеке Риммера, Агата видит, как Риммер усмехается в лицо дуче, и вдруг ей начинает казаться, что все идет не так, как надо, совсем не так – только непонятно, как именно. Не в силах смотреть на радужное лицо Риммера, Агата переводит взгляд на его башмаки – и внезапно понимает: кандалы! Кандалы, которыми Риммер должен быть прикован к помосту, лежат пустыми у его ног. Риммер сумел освободиться!

– Кандалы! – кричит Агата изо всех сил. – Кандалы!!! – и тут Риммер хватается за руку дуче и заламывает ее дуче за спину.

Дуче Клаус Сесто вскрикивает, как маленький ребенок, и Агата видит, как сияющий габионовый коготь оказывается на пальце Риммера. Даже дучеле, стоящие спиной к помосту, еще не поняли, что происходит, они только-только начинают поворачиваться, и тут Риммер прыгает с помоста вниз, а его жилистая радужная рука хватается и сдавливает Агату. Агата пытается лягаться, но ей в шею тычется что-то очень-очень острое – самая острая вещь в мире, габионовый коготь, вот что. Агата видит лицо совсем молоденького дучеле, растерянного и испуганного, он держит перед собой ружье, как игрушечную палку, и переводит взгляд с Агаты на Риммера, а с Риммера на Агату. Риммер держит Агату и пятится, пятится медленно-медленно куда-то назад и влево, ноги Агаты еле достают до земли, Риммер тащит ее, как куклу, Агата ни о чем не может думать, кроме острого-острого когтя, почти касающегося ее шеи, и еще Агата думает о том, что слева от помоста ничего нет, Риммеру некуда бежать, там канал, там только вода – что же он делает? – и тут Агата начинает падать – вернее, начинает падать Риммер, а Агата, прижатая к его груди, начинает падать вместе с ним, спиной вперед, и с ужасом понимает: все верно, сзади и впрямь вода, сейчас она упадет в воду, ей конец, у нее нет когтя, она утонет или заболеет радужной болезнью, она погибла. Агата кричит и кричит, а потом вода смыкается над ней, и она видит огромные красивые пузыри воздуха, выходящие у нее изо рта, ей мерещится, что ее крик плавает внутри пузырей, превращаясь в маленькие четкие буквы:

«Аааа!..», «Аааааааа...» – а Риммер тянет и тянет ее вниз, а потом воздуха больше нет, и Агата понимает, что умирает.

Тогда она из последних сил вцепляется зубами в руку Риммера. Страшная хватка разжимается, Агата выворачивается и видит перед собой две жилистые руки, Риммер плавно взмахивает ими, изо рта у него тоже идут пузыри, лицо перекошено от боли, габионовый коготь вдруг сплывает с его пальца, вода колыхает коготь у самого лица Агаты, Агата ловит серебряное кольцо зубами, Риммер тянет к ней руки, у Агаты страшно болит в груди, глаза ее заполняются темнотой, ей уже все равно, что будет дальше, она знает, что это конец, она вот-вот выпустит коготь изо рта – как вдруг Риммер дергается, будто кто-то ударил его в живот, и снова дергается, и опять, и кто-то толкает Агату в спину – наверх, наверх, к воздуху. Огромные, белые гладкие тела окружают их с Риммером, мелькают желтые клювы с красными точками на конце и красные сильные лапы, сжатые в кулаки, – габо оттаскивают Риммера все дальше от Агаты, и бьют, бьют его клювами, а Агату толкают все выше и выше, она успевает увидеть, что Риммеру удастся вырваться из круга габо, он уплывает куда-то в жуткую синюю глубину, а сама Агата хватается ртом воздух, вокруг кричат, ей протягивают длинную палку, дрожащими руками Агата цепляется за нее, Агату вытаскивают на твердую землю. От холода и страха Агата не чувствует пальцев, но все же успевает сделать одну вещь прежде, чем встать на подкашивающиеся ноги: засовывает габионовый коготь в карман.

**Сцена 3,
записанная в честь святого Торсона, покровителя
пекарей, детей младше тринадцати лет, цветочниц,
упорствующих грешников и каменотесов**

Агата делает один-два неверных шага. С нее течет вода, разбухшее пальто с нашивкой колледжии давит на плечи, будто отлито из чугуна, она кашляет и кашляет, и изо рта у нее льется вода. Вокруг стоит молчаливая толпа, но почему-то никто не бросается к Агате, не бежит ей помочь. Агата смотрит на свои трясущиеся ладошки – и все понимает: голубоватая от холода кожа покрыта невысказанно красивыми, яркими радужными разводами. Агата пробыла под водой слишком долго, вода попала ей в легкие, вот и все, это радужная болезнь, Агате конец. Агата не видит в толпе ни Торсона, ни Мелиссы, ни других детей из своей команды: видимо, мистресс Джула увела их подальше. Бедная мистресс, как же она, наверное, напугана и расстроена, успевает подумать Агата. Зубы у нее стучат, она слышит, как в толпе кто-то кричит в панике: «Пустите меня! Да пустите же меня!» – и понимает, что это доктресс Эджения пытается прорваться к ней, но ее не пускают: близких никогда не пускают к радужному человеку, даже если они не помнят себя от тревоги и готовы зарезаться. Медленно-медленно Агата проходит сквозь расступающуюся толпу, пересекает площадь и сворачивает в первый попавшийся темный переулок.

Здесь никого нет. Агата садится на корточки, сжимается в комочек и замирает. Ей так холодно, что нет сил шевельнуться, а зубы стучат так, что болит голова.

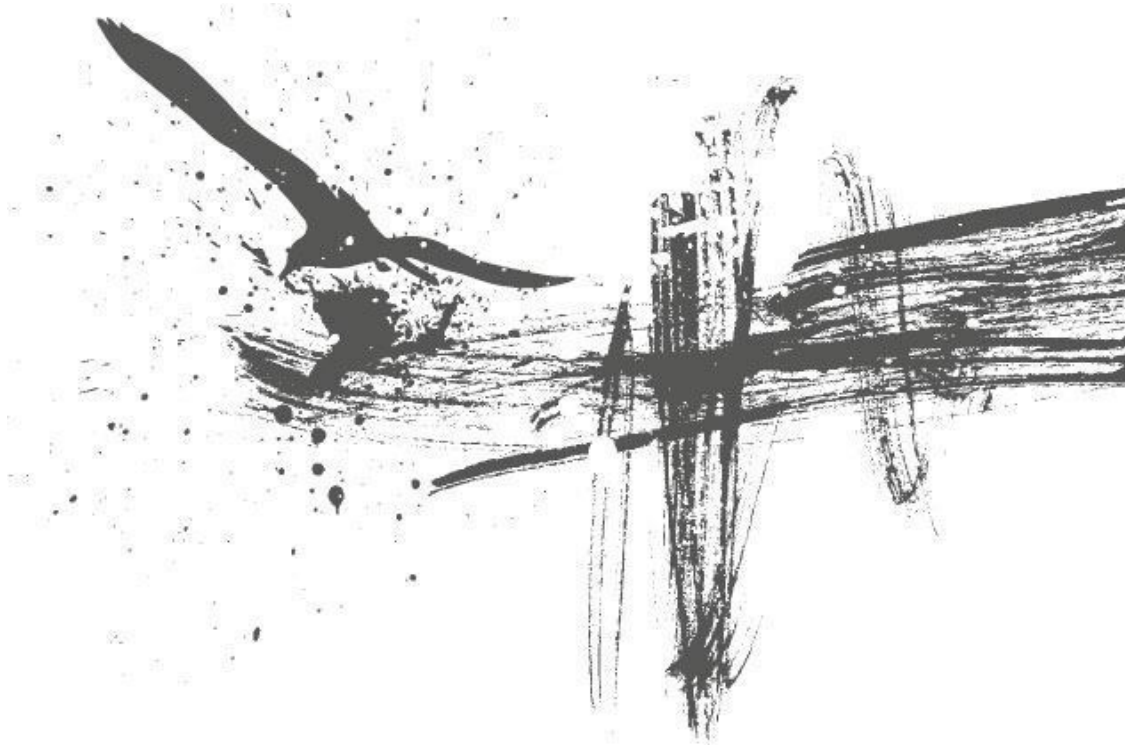

«Соберись! – говорит себе Агата со злостью. – Соберись!» —

и медленно, с муками стаскивает с себя отвратительное мокрое пальто. Ей становится легче, сейчас Агате кажется, что ей бы только согреться, просто согреться, а уж с остальным (с чем – остальным?) она как-нибудь разберется. Агата уверена, что ее отправят в госпиталь на двенадцатом этаже, запрут там в маленькую комнатку, куда никто не будет заходить, будут оставлять ей еду под дверью – и все. А еще: Торсон и Мелисса! Если бы это случилось с кем-то из них, никакая сила на земле не удержала бы Агату от того, чтобы прибежать их обнять; вот и их никакая сила не удержит – нет, нет, в колледжиию Агате нельзя, но ведь не может же Агата, живая Агата, позволить друзьям оплакивать мертвую Агату! Ах, если бы только Агате согреться, она бы сразу все поняла, все придумала, но ей так холодно, так ужасно холодно... Агата закрывает глаза и представляет себе, что вот точно так, сжавшись в комочек, сидит не на продуваемой ветром улице, а на теплых-теплых больших камнях, забившись в угол между двумя теплыми-теплыми стенами... «Господи, да ведь замок совсем близко!» – вдруг соображает Агата, и эта мысль придает ей столько сил, что она встает на ноги, хватая ненавистное пальто и бросается бежать по переулку так быстро, как только могут замерзшие ноги. Замок – вовсе никакой не замок, это просто они с Торсоном так называют одно прекрасное секретное место, где всегда тепло, – маленькую каменную нишу за пекарней мастера и мистресс Саломон, странных людей в черных круглых шапочках на макушках; они пекут очень вкусный, очень пахучий хлеб, и конвертики с творогом и луком, и тяжелые, полные орехов, пропитанные вином кексы ко Дню Очищения. Агате и Торсону совершенно не положено знать ни про какую нишу с теплыми стенами и уж тем более не положено пробираться туда затемно, когда весь город и вся колледжия еще спят и только пекарня мастера и мистресс Саломон

начинает наполняться теплом, но как минимум раз в неделю Агата, проснувшись ни свет ни заря, будит Торсона, и они отправляются в «кругосветку» – быстрое запретное путешествие по кривым переулкам и маленьким мостикам над каналами Венискайла. Вот почему Агата знает и самый короткий путь в лавку Лорио – такой короткий, что можно обернуться туда обратно за большую перемену (а если кто-нибудь заметит Агатино отсутствие, Мелисса скажет, что Агата сидит в туалете – у нее прихватило живот), и имена всех торговцев роскошными кружевными шальями на пья'Сан-Паоло, и еще Агата знает, что от переулка, по которому она бежит, можно добраться до замка, перейдя всего два мостика. Еще чуть-чуть, говорит себе Агата, от бега даже немножко согрелись, еще совсем капельку. Она представляет себе, что рядом бежит сильный большой Торсон – трусишка Мелисса никогда не участвует в их вылазках, она с ума бы сошла, если бы ее застучала мистресс Джула, зато Мелисса придумала прекрасную отмазку на случай, если предрассветное отсутствие Агаты и Торсона будет замечено: она, Мелисса, скажет, что Агата кричала и плакала во сне, испуганная Мелисса позвала Торсона и тот повел Агату умыться. Если бы Агата кричала и плакала во сне, все бы точно так и произошло, и мистресс Джула прекрасно это знает. Ах, если бы только Агата могла гулять по Венискайлу, когда ей вздумается, если бы колледжия не была такой строгой, если бы за детей так не боялись! Дело даже не в том, что больше всего на свете Агата любит бродить в переулках, и смотреть на габо, и представлять себе, что маленькое объявление «Найдем чистильщика карпов!» возле одной из рыбных лавок ма'Риалле может относиться к ней, – нет, дело в том, что во время прогулок маленькая Агата превращается в какую-то совсем другую, большую Агату, и этой Агате приходят в голову по-настоящему интересные, большие мысли, которые никогда не появляются в коридорах колледжии. Но сейчас у Агаты в голове нет никаких больших мыслей, есть только одна, маленькая-маленькая:

в тепло, в тепло, в тепло...

Воображаемый Торсон бежит рядом с Агатой, еще чуть-чуть, говорит себе Агата, еще чуть-чуть, вот и последний мостик, совсем маленький, вот еще два поворота – и Агата плюхается на горячие камни, всем телом вжимается в теплые-теплые стены, закрывает глаза. Какое

счастье – здесь не просто тепло, здесь немножко «дома», и даже все надписи на стене замка Агата с Торсоном знают наизусть: есть неприличные – одна из них про мистресс Саломон! – есть непонятные («Чтобы мир перевернулся!»), а есть смешные, только сейчас Агате совсем не до смеха. Она все сидит и сидит, и не дает себе думать ни о чем, она просто греется, а потом собирается с силами и заставляет себя сделать первое важное дело – нащупать габион в кармане, а потом сделать второе важное дело – внимательно посмотреть на свои руки. Она готова к худшему, к тому, что руки у нее радужные-прерадужные, как прекрасная перламутровая подставка под танцующей механической куколкой, которую мистресс Джула подарила на день именин рыжей Нолли, – но обнаруживается удивительное: радужность как будто сделалась гораздо бледнее. Такого не может быть; просто Агата согрелась, у нее порозовели руки, и радужность стало не так видно, да и в замке, скажем честно, уже темновато – дело идет к вечеру, в дальнем конце переуллка уже горит слабый уличный фонарь. И наконец, Агата делает еще одно важное дело: спрашивает себя, не тянет ли ее в страшный синий лес Венисфайн – умирать. Нет, ни в какой лес Агату совершенно не тянет. «Думай», – командует себе Агата, и начинает думать, и все придумывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.